

Р. Петрович

День Рождения Индейца

Р. Петрович

День рождения Индейца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28510374

ISBN 9785449016980

Аннотация

Запутанный сюжет, непредсказуемая интрига, тайны прошлого и загадки настоящего – ничего этого нет в сборнике. В этих историях – порой веселых, порой грустных – наверное, каждый мог бы найти что-то о себе. Ну а если и не найдет, так, может, оно и к лучшему. Лишь бы читалось легко и с интересом.

Содержание

Путешествия одиночки. Часть 1	5
Золотая Карта, или Тридцать лет спустя	24
Конец ознакомительного фрагмента.	56

День рождения Индейца

Р. Петрович

Корректор Валентина Корионова

Дизайнер обложки Мария Бангерт

© Р. Петрович, 2017

© Мария Бангерт, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4490-1698-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Путешествия одиночки. Часть 1

Я люблю путешествовать. «Тоже мне, удивил, – подумает читатель. – Да все любят, за редким исключением». Это так, но я люблю путешествовать в одиночку, а это уже отсеивает добрую часть просто любящих путешествовать. Кому одиночные путешествия кажутся скучными, кому страшными – неважно. Я тоже никогда не откажусь от хорошей компании в путешествии – будь то прекрасная дама, или близкий человек, или просто интересная личность, или все вместе и в одном лице – но именно путешествуя в одиночку, я получаю то, что невозможно или очень трудно получить, путешествуя с кем-то в компании. Никто не тащит меня на шоппинг, если я хочу поваляться у бассейна с коктейлями, посещать исторические достопримечательности, если, и я уверен в этом, все самое прекрасное на Земле создано природой, я ем когда хочу, сплю когда хочу, легко меняю свои планы, всегда с собой договариваюсь и никогда с собой не ссорюсь, так что путешествие гарантированно не может быть испорчено по причине несовпадения взглядов, характеров и темпераментов путешественников.

Есть, конечно, в путешествиях в одиночку и минусы. Я человек самодостаточный, а спать один привык и дома, дело не в этом. Самая большая проблема в том, что потом не с кем поделиться переживаниями, эмоциями от путешествия так,

как это было бы возможно, если бы эти переживания и эмоции были общими на двоих. Фотографии и видео, снятые в путешествиях, не передают местные запахи, жар солнца или прохладный бриз с океана, а сколько всего вообще остается за кадром! Словами это тоже не передать. А тому, кто вместе с тобой видел и ощущал все то же самое, достаточно сказать: «А помнишь?..» – «Ооо, да!» – и все сразу становится понятно, и воспоминания нахлынут без искажений, и с этим человеком уже хочется отправиться в следующее путешествие...

Я пишу этот рассказ, потому что воспоминания и впечатления меня переполняют и нужно освободить место для новых. Я не собираюсь составлять путеводитель по городам и странам, скорее – путеводитель по эмоциям, которые у меня вызвало то или иное путешествие. Это могут быть не самые яркие, не самые характерные эмоции – на то уж воля автора. По одной эмоции на город или страну. Мало, скажете вы? Наверное. Так поезжайте сами и дополните палитру эмоций своими!

И еще в качестве вступления. Я очень хочу надеяться, что мои путешествия продолжатся. Будут новые города, страны, эмоции. Поэтому я оставляю за собой право на продолжение – возможно, когда-нибудь появятся «Путешествия одиночки – 2, 3» и так далее.

Ну что, читатель, поехали!

Рим. Достижение цели

В школьном детстве мне очень нравился роман Генриха Сенкевича «Камо грядеши?» (Quo vadis?) Ну, помните – про древний Рим эпохи первых христиан, про их мучения за веру, про любовь?.. Особенно мне нравилась трогательная сцена в финале, когда спасенный своими учениками и выведенный тайно из Рима по Старой Аппиевой дороге апостол Петр встречает Христа, распятого ранее. «Quo vadis, Domine? (Куда идешь, Господи?)» – спрашивает Петр Его. А Он грустно и ласково отвечает Петру: «Раз ты оставляешь народ мой, я иду в Рим, на новое распятие». И устыдившийся своего малодушия Петр разворачивается и возвращается в Рим, обрекая себя на мученическую гибель ради веры, ради своих учеников.

В каком-то путеводителе по Риму я прочитал, что на том месте, где Петр решил вернуться в Рим, остался отпечаток его ноги, и над этим местом построена маленькая часовня. Поэтому, когда я решил поехать в Рим, одной из целей для себя поставил найти это место.

Рим с первого глотка его воздуха, с первого шага по его улицам затянул, закружил, очаровал, запутал. Уже на второй день в Риме я понял, что решение провести в нем всего одну неделю, чтобы его понять и почувствовать – оскорбительное для Вечного Города. Для этого не хватит и жизни – причем не одной человеческой жизни, а жизни целого

поколения или нескольких поколений людей. Поэтому, поняв, что невозможно объять необъятное, я решил сосредоточиться на поисках часовни Петра.

Во время моей поездки в Рим в принципе еще не было такого понятия, как доступный интернет. Также не существовало смартфонов с загруженными картами и установленными навигаторами. У меня не было ни адреса этой часовни, ни даже представления о том, в какой части Города она могла бы находиться. Была лишь обычная бумажная туристическая карта и желание во что бы то ни стало найти часовню Петра. Я решил подойти к решению вопроса системно, поэтому каждое утро отправлялся пешком из отеля по новому маршруту: вчера на север, сегодня на северо-восток, завтра на восток и так далее – и каждый вечер, усталый, но крайне довольный и пропитанный Городом до корней волос, также пешком возвращался обратно в отель. На своем пути я встречал огромное количество достопримечательностей, как всемирно известных, так и ранее мне не знакомых, общался с разными людьми, шумными ново-римлянами и такими же ротозеями-туристами, как и я сам... Было безумно интересно! Но цель оставалась недостигнутой...

И вот наступил вечер последнего моего дня в Риме. Следующим утром надо было вылетать обратно домой. Я уже смирился с тем, что в эту поездку не найду часовню Петра – значит, будет повод еще раз вернуться в город-тезку. Я гулял по Городу. Приятно грело ласковое весеннее рим-

ское солнце, по шумным улицам куда-то спешили пешеходы и машины. Оказавшись в каком-то маленьком сквере, я присел на скамейку рядом с большим белым камнем. На камне еле виднелась почти стершаяся выбитая надпись на латыни (спасибо Вам, Ирина Михайловна, моя преподавательница латыни в Университете!) – «Начало Старой Аппиевой дороги» – и стрелка-указатель.

За две с лишним тысячи лет с момента событий, случившихся на Старой Аппиевой дороге и описанных у Генриха Сенкевича, Рим, мягко говоря, несколько изменился. Как уцелел этот дорожный указатель? Что лично для меня значила эта невероятная удача? У меня не было и до сих пор нет ответов на эти вопросы. Но это явно был знак, и игнорировать его было нельзя. Перейдя на светофоре перекресток, двигаясь в направлении, указанном на камне, метров через сто я обнаружил часовню Петра. Еще не веря в свою удачу, предчувствуя увидеть древнюю реликвию, связывающую меня взрослого с моим далеким детством, я с замиранием сердца подошел к древней двери.

Часовня была закрыта.

...Я верю, что обязательно вернусь в это место. И что в этот раз дверь передо мной откроется. И даже хорошо, что я остановился в шаге от цели-мечты, ведь иначе одной мечтой на свете стало бы меньше.

Дорогой читатель! Я предлагаю и тебе пройти этот же квест – ну или другой, неважно. Оставь дома все свои мод-

ные гаджеты, не бери даже карту – она лишь еще больше тебя запутает. Следуй за своей мечтой – и она обязательно выведет тебя к твоей цели!

Прага. Удивление

На Борисыча я обратил внимание еще в самолете. Да и трудно было не обратить: весьма крупный, пышущий здоровьем мужчина средних лет, обладатель громкого, командирского голоса, путешествовал в компании своей спутницы под стать ему самому и какого-то менее заметного мужичка постарше. Компания весь полет распивала напитки, купленные в duty free (тогда еще это было разрешено), явно отмечая начавшийся отпуск. После самолета, пройдя все необходимые паспортно-таможенные процедуры, веселая и шумная компания завалилась в трансферный автобус, развозящий туристов по пражским отелям. «Только не в мой отель!» – мелькнула мысль. Как предчувствовал...

В маленьком, всего на шесть номеров, бутик-отеле в самом центре Праги нас, естественно, поселили в соседние номера на одном этаже – с точки зрения хозяйки отеля, русские туристы просто мечтают и за границей жить, пить и общаться исключительно друг с другом. Ей виднее, а у меня выбора не оставалось, кроме как согласиться на предложение Борисыча всем вместе отметить приезд и удачное соседство.

Прага предоставила нам массу возможностей для этого.

Даже несмотря на усталость после перелета, только в шаговой доступности от нашего отеля мы посетили не менее трех ресторанов и пивных баров, каждый со своей неповторимой атмосферой, отличной кухней и великолепным пивом. За пивом познакомились поближе. Борисыч и компания оказались родом из Рязани, сам Борисыч закончил рязанское училище ВДВ, чему я, в общем-то, не удивился, в Праге был уже во второй раз и теперь путешествовал с интересной дамой, статус которой я постеснялся спросить, и каким-то начальником чего-то там на рязанском нефтезаводе, на которого работал сам Борисыч. Я заслужил у компании уважение тем, что к тому времени успел посетить гораздо больше стран в Европе, Азии и Америке, что свободно общался по-английски (а они все – нет) и что мог за один присест выпить не один литр пива.

Окончательно устав и расслабившись, мы вышли из бара и пешком направились к отелю, благо был он совсем рядом. Тихие узкие, романтичные и днем, улочки Праги ночью производили впечатление попадания в сказку. Напротив входа в наш отель, через улицу метра в три шириной, мы увидели веселую светящуюся вывеску, которую не заметили днем. «Erotic Club», – гласила вывеска.

– Эт че? – поинтересовался Борисыч.

– Похоже, бордель.

– Я тебе покажу бордель! – подключилась к разговору спутница Борисыча.

– Молодежь, пошли спать – завтра же договорились погулять по городу! – предложил пожилой начальник.

– Ну пошли, – согласились все.

Несмотря на усталость, спать не хотелось. Я решил разложить свои вещи и уже начал это делать, когда кто-то постучал в дверь. Это был Борисыч.

– Пошли погуляем? – предложил он.

– А спать?

– Успеем.

– А куда пойдем? Ночь, я города не знаю.

– Да тут недалеко... Напротив...

– Хе, Борисыч, а жена что скажет?

– Да она мне не жена.

– Ну смотри. Пошли!

...Спустя пару лет я снова встретился с Борисычем. Произошло это совершенно неожиданно. Я только что пришел на работу в компанию, имеющую филиал в Рязани. Директором этого филиала и оказался Борисыч. Когда я приехал в свою первую командировку в Рязань, радости и удивлению не было предела. Борисыч отменил все встречи на этот день, собрал ближний круг своих подчиненных и под предлогом знакомства меня с коллективом, а коллектива со мной повел всех в ресторан.

– Знаете, коллеги, – начал Борисыч, – до знакомства с этим человеком, – он указал на меня, – я считал, что видел если не все в этой жизни, то очень многое, и поэтому удивить

меня очень сложно. Но ему, – опять кивок в мою сторону, – это удалось. Дело было в Праге. Так исторически сложилось, что напротив отеля, где мы останавливались, был бордель. Вполне себе приличный, как потом оказалось. И решили мы как-то проведать местных фей. На входе охранник, видя мою рязанскую рожу, сразу предупредил, что по-русски в заведении никто не разговаривает. Да и ладно – со мной же знаток английского языка. Ну, мы зашли, атмосфера такая культурная, полумрак, музыка. За столик к нам подсели две дамы – к нему почему-то красивая, ко мне не очень – попросили заказать им выпивку. Мы же джентльмены! Взяли им по коктейлю, себе сливовицы (пиво уже не лезло), пообщались, потом еще заказали, потом еще, потом я отрубился... Когда очнулся, очень сильно удивился, – тут Борисыч использовал другой глагол, более эмоционально окрашенный. – Вижу такую картину: он, – опять кивок, – стоит в центре зала и дирижирует хором полуголых пражских фей, человек десять – наверное, все, кто был в то время в заведении, – а они, якобы совсем не говорящие по-русски, совершенно без акцента и с явным удовольствием во все горло распевают песню «На поле танки грохотали...». Ей-богу, я аж протрезвел от удивления!

– Ну а потом? Потом-то что было? – с нетерпением спрашивали коллеги.

– Потом? Да ничего: они допели, мы с ними расплатились и пошли вдвоем в отель, спать.

Тут пришел черед удивиться всем остальным слушателям.

Нью-Йорк. Доверие

Что делать, если вы зависли в аэропорту JFK при транзите из Москвы в Бостон? Без багажа, только с кошельком и паспортом в кармане? Ночью? И ближайший вылет в Бостон – только ранним утром? И при этом сам аэропорт закрывается на ночь, будто колбасный магазин? И в этом городе вы впервые, и здесь вас никто не ждет? И денег не то чтобы очень много, а путешествие только началось? Правильно – надо искать гостиницу на ночлег. Но где и как? Из сбивчивых объяснений персонала аэропорта – их можно понять, они устали, рабочий день закончился и так далее – удастся выяснить, что аэропорт сам по себе не предоставляет услугу гостиницы для припозднившихся пассажиров, но что где-то в укромном уголке гигантского аэропорта есть стойка бронирования гостиниц, расположенных неподалеку.

Брожу в поисках этой волшебной стойки, поминая недобрыми словами архитектора этого аэропорта и его же менеджмент, надежно упрятавший крайне нужную вещь и не снабдивший меня никакими подсказками, как ее найти.

– Эй, братан!* – (* Здесь и далее диалог передан лишь приблизительно по смыслу, потому что автор не владеет гарлемским диалектом афроамериканского английского языка). – Че потерял? Мож, я, типа, найти смогу, в натуре?

Передо мной стоял типичный гангста-негр, как в фильмах про неблагополучные районы Чикаго, Парижа или того же Нью-Йорка. Аэропорт показался еще более неудобным, рука автоматически потянулась к кошельку.

– Да я, это... Мне бы... Ну... Гостиницу бы... Стойку то есть... Ну... Найти бы...

– А, да без базара! Шуруй за мной! – и куда-то пошел походкой опять же типичного гангста-негра.

А что мне оставалось делать? С другой стороны, подумалось, что в аэропорту все-таки еще есть люди, камеры слежения наверняка везде понатыканы – скорее всего, грабить меня прямо здесь он постесняется. Однако мы шли и шли какими-то аэропортовскими закоулками, люди навстречу попадались все реже, и в наличии камер слежения я уже начал сомневаться...

– Ну вот, типа, стойка.

«Типа стойка» представляла собой с десятков телефонных трубок, как от старых советских аппаратов, на шнурах, уходящих куда-то в стену. Каждая трубка была подписана названием отеля. Ни диска, ни кнопок для набора номера – ничего.

– Эээ...?

– Оу, да ты, братан, совсем дикий! У тебя как с бабками? Тебе отель попопсовей или попроще?

– Мне, ну... Средний... Мне...

Мой гангста-помощник снял одну из трубок.

– Здорово, ниггер! Да, это я. Да, чувак, я-то работаю, а вот ты сидишь на своей старой черной заднице. Ха! Да у меня не жирнее, чем у твоей жены! Ха-ха-ха! Ну, короче, я тебе тут клиента подогнал на одну ночь. Не, не черный. Иностранец какой-то. Немец, наверное. Да. Сколько? Полтинник баксов, окей? – это уже мне. «Нифига себе средне... Но делать, похоже, нечего».

– Окей.

– Окей, ниггер! Ща он к тебе подвалит!

– Короче, отель клевый, не «Хилтон», но все пучком: там бельишко, душ, сортир – все чистое. И рядом, в Бронксе, – от упоминания Бронкса опять холодок прошел по коже, – минут пятнадцать на шаттле.

– На каком шаттле? – не понял я.

– Иди за мной.

Мы вышли из аэропорта на огромную круглую площадь, на которой стояло около сорока одинаковых автобусов-шаттлов.

Мой провожатый подвел меня к какому-то столбу.

– Ну вот, стой здесь. Минут через пятнадцать подъедет твой шаттл.

– Ой, спасибо тебе огромное!

– Хе, чувак, спасибо не булькает!

– А, ну да, конечно. Сколько я тебе должен за твою услугу?

– Ну, десятка будет нормуль.

– Да, конечно!.. Только у меня вот... Только такие, – я

протянул ему стодолларовую купюру.

– А, ну оки-доки! – он ловко выхватил купюру из моих пальцев и буквально растворился в черноте ночи.

– Э!.. – но было уже поздно. «В одном черном-черном городе черной-черной ночью черный-черный человек украл у меня сто долларов», – начал я сочинять невеселую сказку. Настроение и так было не ахти какое, а теперь совсем испортилось... Ну ладно, лишь бы шаттл меня привез куда надо.

В таких раздумьях я простоял минут десять.

– Ну че, братан, все стоишь? – в темноте были видны только белые зубы.

– Ну да, стою.

– Прикинь, я обошел всех долбанных водителей этих гребаных шаттлов – ни у кого нет сдачи с твоей сотки! Так что на, держи ее обратно.

– А я думал, что ты... Ну, того...

– Смылся, типа? Ха-ха-ха! Не, братан, тут тебе Нью-Йорк, тут все на доверии. Ну бывай!

– Подожди! Как же мне тебя отблагодарить?

– В следующий раз, только бери с собой мелкими. Пока, чувак! – и он опять растворился в ночи.

А неразменная сотка таким же образом помогла мне сэкономить еще десять баксов и проехать на шаттле до гостиницы и обратно.

Рига. Благодарность

И снова история про аэропорт.

Мне кажется, что если у Латвии и были какие-либо претензии к Советскому Союзу и России, то они с лихвой компенсировались тем фактом, что единственный в сутки вылет из Риги в Москву приходился на пять часов утра. Последний ресурс организма, утомленного рижским бальзамом и бессонной ночью, был потрачен на прохождение паспортного контроля и таможни, поэтому, очутившись перед выходом на посадку, в ожидании начала оной я присел в кресло и – уснул...

Проснувшись, как мне казалось, минут через пять, я, в полной уверенности, что посадка уже началась, в предвкушении еще пары часов сна в самолете подошел к стойке и предъявил посадочный талон.

– А ваш самолет уже улетел! – с милым прибалтийским акцентом радостно сообщила мне девушка за стойкой.

– Как улетел??? Куда улетел???

– В Москву! – так же радостно продолжила она.

– Но почему меня не пригласили??? Я же сидел вот тут, прямо перед вами!!!

– Мы вас объявляли по громкой связи!

– Но вы же видели, что я сижу на посадку!!! Почему вы меня не разбудили???

– Ничего не знаю, мы вас объявляли!

Исполнив свой долг, девушка удалилась.

Нда, ситуация... Но безвыходных положений, как известно, не бывает. Надо брать билет на следующий рейс.

– Извините! – окликнул я проходящего мимо сотрудника в униформе аэропорта. – Не подскажете, а где я могу купить билет?

– В общем зале.

– Это где?

– Там! – он махнул рукой куда-то в сторону кабин пограничного контроля и удалился по своим делам.

– Мы не можем Вас впустить.

– Но мне надо купить билет!

– У вас виза на однократный въезд в Латвию. Вы уже пересекли границу на выезд. Мы не можем вас впустить обратно.

Спорить было бесполезно. Я вернулся обратно в зону вылета. Положение все больше начинало казаться безвыходным...

– Извините, бога ради! – тот же сотрудник снова шел мимо меня, но уже в обратном направлении. – Простите за назойливость, но мне не к кому больше обратиться. Я не могу купить билет, меня не пропускают через границу.

– Да, это правильно! – важно сказал он.

– Но как же мне теперь улететь???

– Я нне знаю! – он попытался улизнуть, но был схвачен

мною за рукав.

– Слушай, друг, помоги мне, умоляю!

– Но как???

– Купи мне билет до Москвы! Я тебе дам свой паспорт и кредитку с пин-кодом.

Он вздохнул.

– Давай!

– Ой, ты меня просто спасаешь, друг!

– Давай, мне работать еще надо!

– Извини... Держи!

Я доверил ему самое дорогое, чем обладал на тот момент. Окажись я без паспорта, без денег в межграницном пространстве – нет, лучше даже не думать об этом... Поэтому, когда я снова увидел знакомую униформу, я бросился навстречу своему спасителю.

– Ну, взял билет???

– Нет!

– Почему???

– Ближайший рейс в Москву только через сутки. Ты не можешь сидеть здесь сутки. Мы тебя должны вывести в зал ожидания. Но твоя виза заканчивается сегодня, поэтому завтра тебя не пропустят через границу.

– И что??

– Все нормально! Тебя арестуют, а потом, недели через две, депортируют в Россию!

– Что???

– Но! Есть один вариант...

– Да говори же, черт нерусский!!!

– Нно-нно! Через час есть вылет в Санкт-Петербург, ты можешь сесть на этот рейс. Брать билет?

– Так что ж ты мне мозги паришь??? Бери конечно!!!

Он опять ушел. «Питер... Это уже Родина... Оттуда до Москвы рукой подать... Арестуют, депортируют... Да я вам тут такой международный скандал устрою! Еще извиняться будете!» Когда через несколько минут я снова увидел своего случайного помощника, он уже издалека мне улыбался. «Взял билет, наверное!» – сердце радостно забилося.

– Ну, взял???

– Нет! – его улыбка стала еще шире.

– Почему? – упавшим голосом просипел я.

– У тебя на карте не хватает денег на билет!

– Ох...

– Держи свой паспорт и каррту. Удачки! – он опять побежал по своим делам.

Надежда вернуться на Родину таяла на глазах. Но все же оставалась. Моя последняя надежда пряталась в моем мобильном телефоне. Если он полностью разрядился или на счете недостаточно средств, можно было смело впадать в отчаянье. Еле дыша, я включил телефон. Шкала заряда батареи показывала семь процентов... На эти семь процентов надо было дозвониться до кого-то надежного, кратко объяснить ему ситуацию, сбросить реквизиты своей кредитки,

дождаться получения подтверждения из банка о переводе денег... Набираю первый номер из списка надежных. Недоступен... Второй. Долго не берет трубку, ждать – только напрасно тратить драгоценный заряд батареи. Третий. Отвечает сонный голос. Но отвечает!!! Ура!!! Быстро соображает, кто и зачем ему звонит!!! Сбрасываю ему данные карты по смс. Осталось два процента заряда батареи... Приходит новое сообщение. Только успеваю прочесть, что необходимая сумма зачислена, как телефон полностью выдыхается. Но деньги есть! Что дальше? Ооо, а вот и мой старый знакомый!

– Изви... Эээ, нет, не убежишь!!!

– Ну что тебе еще от меня надо??? – он уже чуть не плачет от отчаяния.

– Деньги есть. Купи билет до Питера, друг. Умоляю!!!

Он снова уходит и спустя минут десять возвращается. С билетом. С моим паспортом. С моей картой.

– Держи!

– Постой!

Он что-то от души произнес на латышском, но суть была понятна и без перевода.

– Послушай, друг. Ты ТАК меня выручил!!! У меня нечем тебя отблагодарить. Я клянусь, что если еще раз окажусь в Риге и встречу тебя в аэропорту...

– Нееееет, только не это!!!

– Подожди... Если мы вдруг случайно встретимся, я най-

ду возможность тебя отблагодарить. А пока – как тебя зовут, кстати?

– Мариус.

– Так вот, Мариус. Пока мы с тобой не встретились, я клянусь, что, когда бы я ни рассказывал эту историю, я всем буду говорить, что работает в рижском аэропорту замечательный парень Мариус! Договорились?

– Договорились.

– Спасибо тебе, Мариус.

– Не пропусти и этот рейс, посадка уже идет.

Сойдя с трапа самолета в Пулково, я опустился на колени и поцеловал шершавый грязный асфальт Родины.

К чему я рассказал эту историю: интересно, работает ли до сих пор в рижском аэропорту замечательный парень Мариус?

Золотая Карта, или Тридцать лет спустя

*Сказки должны заканчиваться,
и заканчиваться хорошо.
Иначе они становятся быльёю.*

Наутро голова была деревянная. Хотя трудно было ожидать чего-то иного от человека, выстроганного из полена. И все равно – другого сравнения в голову не приходило. В нее вообще ничего не приходило. Только, как заезженная пластинка (или теперь правильно говорить – зацикленный плей-лист?), в ней по кругу постоянно проигрывались грубые, примитивные звуки, выдуваемые из тубы, под пьяные крики: «Да это же просто праздник какой-то!» Вот ведь и мелодии-то никакой, а из головы не выходит...

Но пусть – хоть эти звуки, хоть обрывки даже не мыслей, а каких-то еще непридуманных фраз, неслышанных речей, хоть две-три ноты постоянно по кругу – лишь бы не тишина, спутница полной отключки. Хотя бы не сейчас – сейчас страшно, а встать и занять голову какой-нибудь нехитрой механикой – например, умыться, почистить зубы, побриться – сил нет.

Когда лежишь и даже не пытаешься разогнать в голове мельтешащих мух, все равно себя осознаешь, а стало быть,

пока еще существуешь. Чем-то даже интересен этот момент перехода от небытия обратно в бытие, но слишком уж часто в последнее время Буратино его ощущал на себе с утра.

Глаза набухли изнутри, как весенние почки, но в отличие от почек раскрываться не спешили. К тому же мозг и так знал, что увидят глаза, когда все-таки раскроются: несмотря на застольные излишества, в каком бы количестве их ни впитывал в себя организм, надежный автопилот всегда возвращал Буратино в его двухкомнатную каморку. Да и знакомый запах подушки не давал повода для беспокойства. А увидишь разбросанные по комнате вещи – настроение точно не улучшится. Так что, почки-глаза, весна для вас пока что не наступила.

Как Терминатор из старого доброго фильма, Буратино продолжал сканировать состояние своего организма. Пока что статус большинства критичных систем на мониторе высвечивался красным и тревожно мигал, что также раздражало. Изнутри виски долбили маленькие злобные дятлы. Сердце стучало в ритме какого-то джаза, постоянно импровизировало – то ускорялось, то замедлялось, то делалось громче, то затухало. Во рту держался вкус старых сырых подгнивших опилок. Отвращения добавляло чувство, будто бы это были его, Буратино, собственные опилки. Если бы длинный нос был сейчас в состоянии различать запахи, то – нет, лучше уж пусть пока не различает... Странные метаморфозы происходят со вкусами – ешь-пьешь все вкусное, почему же то-

гда спустя всего лишь несколько часов во рту такое говно? Вроде вчера не блевал. Или?.. Нет, точно не блевал. А может, лучше было бы, если б проблевался... Да какая теперь разница...

А стол вчера был по-старорежимному обильный и вкусный, одним словом – богатый. На свой юбилей Карабас пригласил всех в традиционное для таких застолий место – трактир «Три корочки». Предприимчивый Трактирщик в свое время быстро сообразил, каких барышей сулит внезапно свалившаяся на его заведение известность и даже слава после истории с золотым ключиком, он даже, скорее всего, своим трактирщицким чутьем уловил, что эта слава сохранится на долгие годы, и поэтому переименовал свой трактир в «Три корочки» и повесил на все стены огромное количество фото почетных гостей, в разное время навещавших его трактир, среди которых, пожалуй, самым почетным и известным был Карабас-Барабас. Хотя и его известность за эти годы почти испарилась – молодежь слышала о нем в основном из анекдотов или по присказкам-поговоркам, происхождения которых они уже не знали. У поколения тогдашних мальчишек за тридцать прошедших лет сначала несколько раз сменились кумиры, потом кумиров не стало вовсе. Да и без знаменитой бороды – мечты всех хипстеров как того, так и этого времени – трудно было узнать «того самого Карабаса-Барабаса» (с бородой, конечно, нехорошо получилось, Буратино до сих пор из-за того случая точил древесный червячок, да

и сам Кар-Бар, как его называли старые друзья, нет-нет да и напоминал Буратино с укором – мол, ну бороду-то зачем? Но вроде все давно списали на молодость и глупость Буратино, да и с аккуратной седой щетиной на все еще холеном лице Кар-Бар даже в свои годы выглядел импозантным мужчиной).

К известности Кар-Бару в те годы было не привыкать. На его представлениях всегда были аншлаги, его любила и власть (поговаривали, что не столько за верноподданнические постановки, сколько за доступных и неболтливых куколок из труппы, с которыми чиновники Города любили проводить время за кулисами), и богема (за неприкрытый эротизм с намеком на гомосексуальность и декадентские нотки в разыгрываемых сценках), и обычная публика (за понятность и социальную близость характеров, которые изображали куклы – Гопник, Чмо, Шалава, Мажор, Алкаш...). Попасть в труппу Кар-Бара было мечтой многих юных дарований, считающих себя артистами. Родители стремились изо всех сил просунуть хотя бы на кастинг своих девочек и особенно мальчиков, ведь предпочтения свои Кар-Бар практически не скрывал. На кастинг попадали все, кроме совсем уж убогих, в труппе же оставались немногие. Как ни странно, но разборки с Буратино и его друзьями из-за золотого ключика лишь добавили Кар-Бару не только известности, но и почти всенародной любви, чего вряд ли кто ожидал. Хотя на самом деле странного в этом было мало – жители Го-

рода всегда питали слабость к сильной руке и бородачам.

Вообще, та давняя история сильно изменила жизнь всех ее участников – у кого-то в лучшую сторону, как у Буратино, Артемона или того же Дуремара, но у кого-то и наоборот. Пьеро, самый лучший и, пожалуй, единственный друг Буратино, с детства имел неустойчивую психику. Беспричинная и частая смена настроения – он мог заразительно смеяться, а через минуту рыдать навзрыд, бессонница, отсутствие аппетита, постоянная депрессия, склонность к сочинительству декадентских стихов – все это лишь обострилось у него со взрослением. К тому же, став известным, Пьеро обнаружил, не без помощи сомнительных друзей из околотеатральной тусовки, что некоторые не вполне легальные вещества способны значительно увеличить амплитуду колебаний его настроения – от райской эйфории до адских мучений. На одном из таких взмахов этих безумных качелей он однажды и замер... Буратино оставалось лишь гадать, на каком полюсе – плюс или минус, Рай или Ад... Но никто и никогда не мог так выслушать Буратино, без фальшивого интереса или видимой скуки, ложного переживания чужих проблем или притворной радости чужим успехам, как это делал Пьеро. Его ум, когда не путешествовал между мирами, был острым и гибким, его слова всегда называли именно то, о чем Пьеро и думал. В его доме постоянно толпился народ – и никто никогда не слышал от Пьеро: «Сорри, я сейчас занят, я тебе попозже наберу» или «Бля, чувак, у меня на этой неде-

ле совсем жопа со временем, давай ближе к следующей пятнице спишемся...» Грустный клоун ушел, веселые остались, но веселее от этого почему-то не стало...

А кто-то просто не успел насладиться славой. Джузеппе Синий Нос («Ты никогда меня не любил, старый алконавт», – подумал Буратино), Папа Карло – отец, мать и вся прочая семья Буратино («Прости, Па, я так и не купил тебе новую курточку»), Тортилла... Старуха, как и триста лет тому назад, все видела свое заросшее неприглядное болото с лягушками старинным прудом. И похоронить себя завещала в нем же. Спустя три аномально жарких лета и без того мелкое болото окончательно высохло и загорелось вместе с окружающими его торфяниками, так что каждый житель Города, дыша удушливым смогом, поминал не только природоохранителей, алчных застройщиков пустующих земель, пожарных, городские власти, но и заодно не причинившую за многие-многие годы своей жизни никому вреда старую черепаху...

«Депрессняк накатил, плохой признак, – шевельнулась в голове Буратино первая за утро здравая мысль. – Надо заставить себя встать, дальше – как пойдет». Тааак, головку на бочок, правую ручку в сторону, правую ножку свесили с кровати, туловище пе... Еще раз, туловище пе... ре... вер... нули. Упор, подъем! «Поехали!» Вот только не надо резких движений! Все-таки болеем... Сначала надо посидеть минутку, вестибюварный аппарат должен привык-

нуть к вертикальному положению – мы же не хотим потом убирать зловонную лужу, правда? Таак, привыкли?.. Встаем! И тихонечко, медленно движемся в сторону туалета, по пути замечая возможный ущерб. Ничего не разбито в квартире? Вроде нет. Часы??? А, вот, под зеркалом. Кошелек??? Внутри похолодело, и Буратино даже вроде немного протрезвел. Кошелек он всегда оставлял вместе с часами. Часы – вот они, кошелька – нет... Бог с ними, с наличными. Буратино всегда носил с собой тот минимум наличных деревянных, который не жалко было потратить или потерять. Главное, в кошельке лежала его надежда, его нынешний золотой ключик, открывающий ему дверь в новую, светлую жизнь – его Золотая Карта.

Казалось бы, ну чего страшного – даже если ее потеряешь, заблокируй сначала, потом через несколько дней банк выдаст новую. Или заведи несколько запасных карт на один и тот же счет (ведь сколько раз хотели это сделать, а, Буратино?). Все так. Все эти возможности были. Не было только одного – времени на все это. А раз времени нет, будем думать по возможности максимально быстро и надеяться на лучшее. Во что ты был вчера одет? Серый пиджак, синие джинсы, рубашка... Какая на тебе вчера была рубашка? Да при чем тут рубашка?! В ней не мог остаться кошелек! Ты еще про нос-

ки вспомни... Пиджак... Вот он, аккуратно... лежит слева от тумбочки в прихожей... В карманах пусто... Джинсы... Где джинсы?! Топаем обратно в спальню... О, вот они, слева от кровати! Уже поднимая их с пола, Буратино почувствовал облегчение, увидев оттопыренный задний карман. Ух, есть! Нельзя же так пугать... Вооот она, родная, Золотая Карта на BURATINO KARLOV! Жить будем!

Карта была для Буратино не просто удобным платежным средством. Она была его талисманом, его фетишем. Даже несмотря на то, что средства на этой карте были далеко не безграничны, с ней у Буратино возникало ощущение того спокойствия, которое дают деньги – не настолько маленькие, чтобы это ощущение прошло до обидного быстро, не настолько большие, чтобы потерять связь с реальностью и возомнить себя всемогущим, заработанные не настолько честным путем, чтобы уже и забыть, ради чего горбатился всю жизнь, но и не настолько «нетрудовые», чтобы от стыда за них стремиться как можно скорее от них избавиться, причем потратив соответственно – на бухло, бледей, ну или просто на что-то, даже и не вспомнить, на что. А стыд за нечестно полученное (деньги, оценки в школе, благосклонность дам, повышения по службе) был у Буратино привит еще с детства. Для Мудрого Сверчка, которого Буратино считал своим настоящим Учителем, самым страшным ругательством было «жулик». Жуликами Сверчок называл и своих нерадивых коллег, и вещавших из телевизора лице-

меров, и настоящих жуликов, и иногда своих учеников. «Вы, Буратино, – Сверчок ко всем обращался на вы, даже к школьникам, что необыкновенно повышало их самооценку, – вы жулик!» – говорил он, если Буратино не выучил урок или не сделал дополнительное задание. От этого Буратино становилось ужасно стыдно. Уж лучше бы дебилком называл, как другие учителя, честное слово... Как ты теперь поживаешь, Мудрый Сверчок? Надеюсь, что жив и воспитываешь очередное поколение маленьких «жуликов». Где-то ведь был номер твоего телефона... Надо найти и позвонить тебе... Потом, попозже... Как-нибудь... Так вот, из-за тех денег, что были на Карте, Буратино жуликом себя не считал.

Буратино всегда удивлялся тому, как одни и те же слова, сказанные одним и тем же человеком, по-разному воспринимаются разными людьми. Сидевший в школе за одной партой с Буратино (а Буратино все-таки пошел в школу и успешно ее окончил – спасибо Папе Карло, его крепкой рабочей руке и старому армейскому ремню с тяжелой бляхой), Арлекин, похоже, с самого детства мечтал стать жуликом. Причем таким Жуликом, определения которому Мудрый Сверчок не смог бы найти в своем богатом лексиконе. Обделенного способностями, трудолюбием, отзывчивостью к людям, да вообще какими-либо традиционными человеческими добродетелями, природа с самого рождения щедро наградила Арлекина другим – богатыми родителями. С трудом получившего аттестат Арлекина тем не менее приняли,

не без их участия, в престижный вуз на экономиста (в то время эта профессия почему-то считалась перспективной). Не набравшись экономической мудрости, из вуза Арлекин вышел законченным циником и мерзавцем, к тому же обросшим полезными связями. И жену себе подобрал (вернее, ему подобрали родители) себе под стать – некрасивая, но из «хорошей» семьи, неумная, но с четким представлением о жизненных приоритетах, бездушная, но умело манипулирующая людьми. Поэтому, когда Кар-Бар искал для своего театра сразу и исполнительного директора, и коммерческого, лучшего варианта, чем эта парочка, он не нашел.

С театром у Буратино тоже не сложилось. На волне успеха после победы над Карабасом-Барабасом и властями Города все права на театр перешли ему, Буратино. Да по-другому и быть не могло – в то бурное время жителей Города внезапно охватил такой пафос справедливости и веры в светлое будущее, что любой другой выбор публика сочла бы за личное оскорбление, и скорее всего, театр бы просто закрыли. Но вскоре Буратино выяснил, что руководство театром состоит в основном из контроля доходов-расходов, общения с городскими чиновниками – от Губернатора до начальника городской пожарной части, нагоняев нерадивым актерам и техперсоналу, обхаживания капризных писак из местной театральной прессы и прочей далекой от чистого искусства ерунды. При этом удовольствия регулярно пороть артистов, доступного ранее Карабасу, Буратино лишился – подул ве-

тер перемен, знаете ли, теперь это стало неполиткорректным и даже вовсе недемократичным... А иногда так хотелось... В итоге, когда шумиха вокруг театра стихла, Буратино и Карабас по обоюдному согласию вернулись к прежнему руководству. Карабас стал не только владельцем театра, но и художественным руководителем (ни Арлекино, ни его жена ни черта не понимали в искусстве), а Буратино выбил для себя непыльную должность директора по общим вопросам – звучало непонятно, да и отвечал он непонятно за что, иногда подписывая какие-то документы, которые ему подсовывали Арлекино или его супруга, якобы потому что без его подписи документы могли не принять городские власти. В суть бумажной волокиты Буратино не вникал – гарантией от подставы был Кар-Бар, деньги на Карту поступали в достаточном для безбедной жизни количестве, «а что еще нужно, чтобы достойно встретить старость?» Какое-то время Буратино продолжал выступать на сцене, играя самого себя. Сначала ему это нравилось. Особенно когда публика устраивала ему овацию после его коронной фразы: «Я создан на радость людям!» Вскоре, впрочем, овации сменились вялыми аплодисментами, потом публика вообще перестала реагировать, а затем и вовсе стала ржать после этой фразы. Видя недоумение Буратино, Кар-Бар объяснил ему:

– Видишь ли, мой дорогой, в наше время если кто-то что-то предлагает, причем бескорыстно, то точно для того, чтобы набать. А чем больше предлагает, тем вернее и крупнее

наебет. Ты вот им радость обещаешь – а они ржут, думают, что ты играешь разводилу лохов.

– Но так ведь и есть по сценарию! – не понимал Буратино.

– Так, но по сценарию лохи находятся на сцене, а не в зале.

В общем, актером Буратино так и не стал.

...Обнаружив в квартире Карту и приняв контрастный душ, Буратино начал оживать. Сначала он было подумал о том, чтобы спуститься в магазин в доме напротив, чтобы купить пива на опохмел, но потом благоразумно решил этого не делать. Сегодня важный день, даже не так – сегодня Очень Важный День! Поэтому нельзя расслабляться, а выпьешь пива – и понеслась... «На пьяницу не нужен нож, ему пивасика нальешь – и делай с ним что хошь...» – досочинил Буратино популярную когда-то песенку. Нет, не сегодня, не сейчас, ну хотя бы до самолета – ни-ни... А то уже бывало такое – присядешь вроде «на дорожку», а потом две недели отпуска на дорогом курорте как корова языком из памяти слизала... Поэтому – лучше кофе. Что у нас со временем? Время есть – до такси в аэропорт еще час, успеем.

Пока готовился кофе, Буратино включил телевизор. Вообще, он не любил никакие СМИ, в том числе и телевидение. Он относился к ним как к цыганкам на городском вокзале, которые беглой болтовней, мельтеша руками перед глазами, пытались вытащить из него побольше деревянных. Его раздражали эти бесцеремонные, наглые попытки залезть ему в мозг, отвлечь внимание, пока товарка шарит по карманам.

Его слух, зрение, здравый смысл пытались грубо изнашивать, и даже если у них это не получалось, все равно на душе у Буратино оставался гадкий осадок – ну неужели он настолько похож на доверчивого идиота, что к нему липнут эти пиявки? Газет он не читал вообще никаких, в интернете избегал новостных или псевдоаналитических площадок, на которых разводился надоевший уже срач между «государственниками» и «оппозицией» – ну какая к черту в столице, и вообще, в Стране Дураков оппозиция?! Те же дураки, что и «государственники», только с противоположными по смыслу лозунгами, да и лозунгами этими они друг с другом спустя какое-то время меняются. Тем не менее по телевизору Буратино время от времени смотрел всего два канала. Один – круглосуточный новостной канал официальной власти Страны Дураков. Во-первых, для того чтобы быть в курсе, в какую нынче сторону приказано дуть ветру, чтобы случайно, по неведению, не пытаться поссать против него. Во-вторых, эти новости даже своей подачей создавали ощущение стабильности и надежности. Обычно давалось четыре блока новостей: в первом официальные лица величественно проводили официальные мероприятия, даже если эти мероприятия задумывались как спонтанные, например общение с народом. Мудрый взгляд официального лица, спокойная речь, впрочем не без примеси словечек и прибауток – а вокруг улыбки на благоговеющих лицах, ну или задумчивость о судьбах Отечества, в зависимости от темы меропри-

ятия. Во втором блоке давался обзор внутренних новостей – рост всех показателей (кроме биржевого курса деревянных к глобалу) по сравнению с, достижения и инновации, забота о нуждающихся, даже если и было что негативное, то складывалось ощущение, что это временно и вполне поправимо, тем более под руководством тех, из первого блока новостей. Если же в Стране Дураков случались незапланированные народные выступления – а в последние годы они случались все чаще и чаще, – то в представлении тележурналистов все выглядело так, будто довольные жители вышли на праздник демократии, чтобы вежливо и в корректной форме поблагодарить власть за заботу и дать ей обратную связь, а еще чтобы их в шутку поносили на руках такие же вежливые и корректные полицейские, ради маскарада нарядившиеся Чебурашками-Робокопами, и покатали на своих смешных автобусах. Ну а что у некоторых демонстрантов потом оказались морды разбиты – так то сами виноваты, под ноги не смотрели, такое случается. Далее шел блок новостей зарубежных, из которого зритель узнавал, что у Страны Дураков вновь обострились отношения со Страной Сильных, что Страна Хитрых на всякий случай решила поддержать и тех и других, что Восточная Страна построила очередной авианосец и объявила своей исключительной экономической зоной огромный кусок океана вблизи Острова, где по случайному совпадению Страна Сильных решила провести свои военные учения, мировая общественность традиционно выразила свою

озабоченность, МИД Страны Дураков был рад хоть в чем-то совпасть во мнениях с остальной мировой общественностью, но в этот раз несколько переборщил, решительно осудив и тех и других, Восточные выразили недоумение, ведь они со Страной Дураков номинально числились в союзниках... В общем, Страна Дураков находилась в кольце как минимум недоброжелателей, впрочем, как и всегда в своей истории. Ну и четвертый блок новостей – о спорте и о погоде, после просмотра которого зритель, проживающий каждый день со стойким ощущением, что происходит какое-то дерьмо, а какое конкретно – непонятно, убеждался, что все дерьмо – это лишь наш футбол и холодное лето.

Второй канал был чисто развлекательный. Так, обычная пустышка, яркий фантик, внутри которого спрятан еще один фантик, только плотно смятый, чтобы с первого взгляда было похоже на конфетку. Но одну передачу Буратино смотрел постоянно – она была про путешествия. Еще не до конца зажавшиеся и потому интересные ведущие в начале каждого выпуска разыгрывали в орлянку, кому быть в новом незнакомом городе со ста глобалами на два дня, а кому с безлимитной золотой картой. Такой сюжет нравился Буратино. Он мысленно представлял себе, как бы он распорядился своей Золотой Картой, будь она и правда безлимитной, а потом сравнивал свои мечты с тем, на что, где и как тратили деньги ведущие. Фантазии Буратино всегда побеждали телевизионную реальность, из-за чего закрадывалось подозрение, что

безлимитная карта в телепередаче все-таки имела свой лимит – лимит жадности продюсеров. Да и к тому же Буратино впервые в этой передаче увидел Остров...

Сказать по правде, та передача не очень его впечатлила. Ведущие всячески давали понять, что за свою телевизионную жизнь видали они места и покруче. Ни тебе частных самолетов, ни высоченных отелей с вертолетными площадками на крышах, ни ультрасовременных городов, ни мишленовских ресторанов... Ну океан, ну многокилометровые безлюдные пляжи, ну изумрудная зелень нетронутых лесов... «Ну, такое...» – как выразился один из ведущих. Но как раз об этом и мечтал Буратино! Он любил зелень, океан и приватность. А еще, скорее всего случайно, в кадры то и дело попадали островитяне – и хоть было видно, что живут они, мягко говоря, небогато, но таких искренних и не заискивающих перед телекамерой улыбок на всех без исключения лицах аборигенов Буратино не встречал еще со времен своего детства. Поэтому вопрос о том, куда ему отправиться в следующее путешествие, отпал сам собой. Только на Остров!

Буратино любил путешествовать и успел повидать многое. Поэтому первое его впечатление от Острова не было шоком. Да он и не ожидал, что будет чем-то потрясен. Скорее наоборот: он хотел бы, выйдя из аэропорта, испытать то чувство, когда ты возвращаешься – даже не в дом, где ты родился, даже не в утробу матери, а еще дальше, туда, где всегда жила, живет и будет жить твоя бессмертная душа, в некое абсо-

лютно комфортное именно для него место. И первые впечатления у Буратино были именно такими, хотя он не признавался себе в этом – из страха обмануться. Всю свою первую поездку на Остров Буратино не раскрывался ему целиком и не впускал его в себя полностью, он играл своими чувствами и ощущениями, проверял их. Потом, уже вернувшись с Острова в Город, он аккуратно сортировал и раскладывал по полочкам воспоминания об Острове, тщательно подбирал определения своим чувствам, пока не решил для себя, что он не просто хочет вернуться на Остров. Он мечтает там жить. А чтобы мечта сбылась, нужна Золотая Карта, ну и разумеется, то, что на ней лежит.

И все шло вроде бы в правильном направлении. В Стране Дураков его особо ничего не держало. Брак с Мальвиной распался давно. Буратино так и не понял, каким образом они оказались мужем и женой, испытывая друг к другу стойкую антипатию с самого первого своего знакомства. Буратино раздражали ее постоянные капризы и привычка красить волосы в кислотные цвета. Мальвина не видела в нем добытчика и защитника, считала фантазером и вообще несерьезным – то ли дело Артемон! И красив, и со спортом дружит, и дослужился за короткий срок до совсем не рядового силовика, уважаемый человек. Поэтому, когда Мальвина одна-

жды объявила Буратино, что уходит от него к Артемону, Буратино испытал какие угодно чувства – обиду, облегчение, но только не удивление. Чтобы выглядеть достойно в глазах и Мальвины, и в своих собственных, Буратино решил набить Артемону морду. Все равно бы ничего у Буратино не вышло из этой затеи – они с Артемоном были закадычные друзья, да и Артемон был банально сильнее, поэтому закончилось выяснение отношений в «Трех корочках», когда пьяные в хлам Буратино и Артемон, обнявшись, горланили песни, от «Наша служба и опасна, и трудна...» до «Скажите, как его зовут?». В общем, победила дружба. Вскоре Буратино и Мальвина развелись. И вот что странно: после Мальвины все девушки Буратино были в чем-то на нее похожи – взбалмошные, капризные и смазливые. Буратино нравился девушкам («Я обаятельный», – с грустью думал он), но особых чувств к ним уже не испытывал – так, просто физкультура. «Ты какой-то деревянный», – сказала ему как-то одна из них. «Еще какой», – подумал Буратино и совсем не обиделся.

Конечно, развод нанес Буратино финансовый ущерб. Восполнить его можно было, экономя на развлечениях и путешествиях, откладывая на неопределенный срок осуществление своей мечты об Острове. А можно было дожидаться случая и удачно повернуть крупную сделку. И такой случай вскоре представился Буратино.

– Короче, Бурый, такая тема, – даже разговор по телефону с Арлекином вызывал у Буратино раздражение, – есть поку-

патель на наш театр. При баблосах, хоть и наш, театральный. Хэээ, где он их нарыл. По ходу, бабки не совсем чистенькие. Предлагает по документам провести по заниженной стоимости, остальное налом.

– Налоговая за жопу возьмет, а там и до прокуратуры недалеко, – предположил Буратино.

– Не ссы, дубина! У меня все схвачено. Треть из того, что налом, я заношу в мэрию. Они подтверждают, что здание аварийное, художественной ценности не представляет, и вообще, включено в программу реновации, то есть под снос. Ну это их хуйня, как они это проведут. Главное, что вопросов ни у кого не будет. Треть суммы – моя. Тут давай без базара – я клиента нашел, и вообще, идея моя. Треть – Кар-Бару, он уже в курсе. Остальное – твое.

– Эй, Рыжий, где ты меня кидаешь? Подстава какая-то, что ли? Иначе нахуй бы я тебе был нужен?!

– А ты мне и так нахуй не нужен, брателло! Этот чел строится, хочет, чтобы все владельцы сделку согласовали, типа чтобы потом наездов не было. От Кар-Бара у меня доверенность, ты знаешь, да и ему похуй на театр. Ну а ты прежний владелец. Какая подстава, в натуре?

– Тащи своего чела.

– Завтра в обед, норм?

– Давай.

– В «Корках»?

– Ну давай там.

– Добазарились.

Чел оказался известным театральным режиссером, из «оппозиции». Сделку обсудили быстро, складывалось впечатление, что покупатель хотел как можно скорее избавиться от денег. Буратино тоже не было смысла тянуть – причитающаяся ему сумма как раз позволяла вместе с другими его накоплениями заняться осуществлением мечты. Через неделю документы были готовы. При их подписании режиссер передал всю сумму – в глобалах, как и договаривались. В воздухе запахло океаном, перед глазами стояли изумрудные леса Острова... Буратино даже не верилось, что мечты осуществляются таким вот банальным, скучным образом. Накаркал...

...Веселье на юбилее Кар-Бара было в той поре, когда все гости разбились за большим столом на маленькие группы, ведущие каждая свой разговор. Кто-то обсуждал свежую постановку Кар-Бара и молоденьких артистов, кто-то спорил из-за недавно разогнанного с особым азартом городскими властями митинга «оппозиции», вернее, из-за символа, который на этот раз выбрали организаторы для митинга – презерватива (одни утверждали, что имелась в виду власть как болезнь, передаваемая по наследству, то есть половым путем, от которой нужно предохраняться, другие – что имелся в виду сам Губернатор как символ того, на что презерватив надевают). Кто-то язвил в адрес носатого Дуремара, пришедшего из Страны Хитрых в подарок на юбилей старому

другу поздравительную бумажную открытку... Нет, бедным или нуждающимся Дуремара назвать язык ни у кого не поворачивался. Все прекрасно помнили, какой ажиотаж у населения в свое время вызывали акции компании «Поле Чудес Лимитед», потом с каким грохотом рухнуло это предприятие. Пока власти разбирались, что произошло, кто виноват и где, собственно, деньги, Дуремар с Алисой объявились в Стране Хитрых как жертвы режима. К тому же форма носа Дуремара и рыжий цвет волос Алисы недвусмысленно указывали на принадлежность их носителей к титульной нации Страны Хитрых. После их побега МИД Страны Дураков вяло потребовал от Страны Хитрых выдачи беглецов, но тут поднялась такая волна возмущения в мировой прессе, якобы до честных предпринимателей пытается дотянуться кровавая рука бывшей Родины даже в свободной стране, что про историю решили просто забыть. На новом месте «честные предприниматели» тоже не потерялись – целебные пиявки Мертвого моря раскупались по всему миру. А ведь когда-то Кар-Бар в прямом смысле слова вытащил Дуремара из Болота, а Алису из борделя. И вот теперь – открытка на юбилей... В отличие от этой парочки их бывший компаньон – Базилио – не мог похвастаться ни характерной внешностью, ни родственниками по материнской линии, поэтому и был назначен властями Города виновным за аферу с акциями. После отсидки, больной, опустившийся и никому не нужный, Базилио, или теперь просто Кот, стал бомжевать. Бура-

тино его как-то раз случайно встретил на вокзале и, с трудом узнав, брезгливо отвернулся – от Кота резко воняло псиной.

Буратино не присоединился ни к одной из групп. Он вполуха слушал разговоры за столом, не вникая особо в их суть. Он пил вино, слегка закусывал и размышлял о том, как он распорядится средствами с Карты на Острове, когда к нему подсел Артемон.

– Ты че творишь, в натуре, дубина? – с ходу спросил он.

– В смысле? – не понял Буратино.

– На врагов работаешь?

– Ты охуел, Темыч???

– Ты нахуя театр продал этому гандоннику?

– Рыжий напиздел?

– Ты на Рыжего стрелки не переводи! Чья подпись под договором??? У нас в мэрии свои люди.

– А кого это ебет? Захотел – и продал!

– Дебил, блядь! Да этот пидор давно у нас в разработке! Заебал он уже своей политической активностью. Давно хотели его прессануть, но по финансовой части, у нас же типа демократия. Никак не могли определить, через кого он бабки отмывает, а тут ты, бля, нарисовался... Как вовремя, епта! Теперь как соучастник пойдешь.

В животе у Буратино похолодело.

– Че делать-то, Темыч?

– Сухари, бля, сушить... Валить тебе надо и по-быстро-му... Хотя бы на годик-два, пока все не утихнет. Из гандон-

ника мы бабки выжмем в качестве компенсации за ущерб – и материальный, перед Родиной, и моральный, перед нами, и пускай себе валит в демократию, там от него вреда никакого. А то Главный сейчас злой, потребовал к выборам почву подготовить и сразу извести, так что щепки полетят – никому не поздоровится... Бабло-то есть у тебя?

– Есть... Немного...

– Короче, завтра выходной, наша бюрократия не сразу раскрутится. Бери билет в какую-нибудь безвизовую страну – и уебывай! День у тебя есть на все это, больше не гарантирую.

Незаметно исчезнув с тусовки и стащив со стола почти полную бутылку водки, Буратино приехал домой на такси, дома, не раздеваясь, сразу включил компьютер и зашел на сайт авиакомпании, продающей билеты на Остров... Когда на электронную почту пришло подтверждение об оплате и скан авиабилета, он быстро покидал в сумку минимум вещей («На один-два дня, пока не разберусь с жильем»), паспорт, оставшиеся наличные, заказал такси в аэропорт – и только потом понял, что ему необходимо снять стресс... Выпил одну рюмку – не взяло... Сразу другую и третью... В голове зашумело, мысли потеряли резкость... После пятой рюмки настроение резко улучшилось («А пошло оно все нахуй!»), после седьмой... А что было после седьмой?.. Точно, была ночь... А за ней утро...

...Когда Буратино допил на кухне кофе, звякнул его те-

лефон, сообщив, что такси ожидает его у подъезда. Помыл чашку, выключил телевизор. Оделся. Окинул взглядом свою квартиру, которую покидал непонятно на какое время. Присел на дорожку. Встал, вышел из квартиры, запер дверь на ключ. Спустился на лифте.

Водитель ждал, открыв не только дверь, но и багажник, и поэтому очень удивился, увидев пассажира без багажа, с одной маленькой сумкой в руках.

– Вы в аэропорт заказывали? – спросил он Буратино.

– Да, я.

– Без багажа?

– Как видишь.

В машине разговор тоже не клеился.

– Куда летите?

– На Остров...

– Неблизко. На день-два, раз без багажа?

– Навсегда...

«Наркоман», – подумал таксист.

«Отъебись», – подумал Буратино.

Оставшуюся до аэропорта дорогу ехали молча.

Регистрация на рейс до Острова уже заканчивалась. Буратино нервничал, когда подавал свой паспорт девушке за стойкой – вдруг в аэропорт уже пришла на него ориентировка? Но девушка только спросила:

– Что в багаж сдаете?

– Ничего.

И сразу после этого выдала посадочный талон. «Воспитанная. Не то что таксист», – отметил Буратино.

На паспортном контроле волнение Буратино усилилось. Но и там все прошло гладко. Полистав паспорт, сверив фото в нем с физиономией Буратино, проверив что-то по компьютеру, сидевший в стеклянной будке пограничник бесцветно спросил:

– Цель поездки?

– Туризм.

– Проходите.

Оставалось пройти зону досмотра. Буратино положил свою сумку на ленту инфракрасного сканнера, а сам прошел через рамку металлодетектора. Рамка никак на него не отреагировала – древесина все-таки, не Терминатор...

– Гражданин, прошу вас на минуточку!

Перед Буратино стоял офицер в форме таможенника.

– Прошу вас пройти в комнату для досмотра.

– А в чем дело, собственно?

– Что у вас в сумке?

– Вещи. Личные вещи.

– Прошу пройти со мной.

– Но у меня скоро посадка на рейс!!

– Это не займет много времени, пройдемте.

Они свернули в сторону от основного потока пассажиров и вошли в какую-то неприметную снаружи дверь. За ней был коридор.

– Вещи, говоришь? – вдруг перешел на ты офицер.

– Вещи.

– То есть деньги не твои?

– Мои. Это тоже вещи.

– Угу... И декларация на вывоз есть? И справка из банка о покупке валюты? И налоги, наверное, уплачены с дохода на такую сумму?

– Да.

– Не пизди. Ну ладно, раз так, пойдем на досмотр.

– Подожди, офицер, может, договоримся?

– Соображаешь. Но медленно. Сейчас повернем направо, там нет камер.

Повернули.

– Доставай, – приказал офицер.

Буратино достал одну пачку глобалов и протянул офицеру.

– Все доставай!

– Да ты че беспредельничаешь!!!

– Быстро! Я видел, сколько у тебя там.

– Да мне жить на них!!

– Время!!!

Буратино достал все пять пачек и протянул их офицеру. Тот быстро и умело рассовал их по карманам. Одну купюру в сто глобалов он протянул Буратино:

– Держи, на жизнь. Мы ж не звери...

Они опять вышли в основной коридор и вошли в другую

дверь. Дверь вывела в зал с бутиками duty free и ресторанами, уже после зоны досмотра.

– Счастливого полета! – козырнул офицер и исчез за дверью с кодовым замком снаружи, из которой они только что вышли.

«Да пошел ты нахуй!» – хотел сказать ему на прощанье Буратино, но не успел.

Что делать? Вернуться? Как бы не было от этого хуже, вспомнил Буратино слова Артемона. Лететь? А на какие средства там жить? Но у него же осталась Золотая Карта!

«Вниманию пассажиров, вылетающих рейсом до Острова! Посадка на рейс заканчивается, просим срочно пройти на посадку к выходу номер восемнадцать», – прозвучало объявление. «Лететь! – решил Буратино. – Кстати, а сколько там осталось на Карте?» Буратино подошел к стоявшему неподалеку банкомату, вставил в прорезь Карту и ввел пинкод. Банкомат зажужжал как-то необычно, не по-доброму, пискнул, издал глотающий звук и выдал на монитор сообщение: «Ваша карта изъята по требованию банка!» «Че за... Какого?!... Бля!.. Это как?!» Буратино опешил. Из ступора его вывело другое объявление по радио, в котором уже слышалось раздражение: «Пассажир Карлов, опаздывающий на рейс до Острова! Посадка на Ваш рейс закончена! Срочно подойдите к выходу номер восемнадцать!» Выбора не оставалось.

Чем можно занять себя на протяжении девяти часов полета? Можно успеть посмотреть четыре фильма на индивидуальном мониторе. Можно поиграть в электронные игры. Можно почитать книжку. Можно спать. Можно нажраться и успеть проспать, а если сел в самолет уже «подготовленный», то и два раза. Можно смотреть в иллюминатор. Можно (но рискованно) доставать разговорами соседа по креслу. Можно все это совмещать. Буратино не хотелось ничего из этого. Закрыв глаза, он рассуждал.

Мысль его не поспевала за резкими поворотами сегодняшнего сюжета. Теперь ему казалось, что все это происходило не с ним – это всего лишь было продолжение ночного пьяного сна-бреда. Надо только открыть глаза – и окажешься у себя дома, на своей кровати. Но гул двигателя самолета не давал ему обмануться – нет, это был не сон...

Как все это произошло? Что и когда он сделал не так? Мог ли он сделать что-то по-другому? Например, скандалить, угрожать, кому-то звонить? Стало бы от этого ему лучше? Ответов на эти вопросы у Буратино не было. Одно было ясно – вот теперь уже точно ничего нельзя изменить. Наверное, его организм запустил защитный механизм от сильного эмоционального потрясения – ему было пофиг. На все. Он даже пытался сам с собой шутить. Вспомнив телепередачу про путешествия, он подумал, что ему сегодня удалось по-

бывать одновременно в шкуре обоих ведущих – и богачом, и практически нищим. Только там все наигранно, а у него взаправду. «Будь я их продюсером, – подумал Буратино, – я бы немного освежил их правила. Все равно у них заметен творческий кризис, рейтинги падают, глаза у ведущих уже не горят так, как вначале. Например, в какой-то из передач (абсолютно произвольно, не ставя никого в известность!) после очередного розыгрыша, кому достанется золотая карта, а кому сто глобалов, когда оба ведущих уже примирились с выбором монетки и принялись отрабатывать каждый по своему сценарию, появляется продюсер в костюме Джокера и своим волевым решением меняет ведущих местами. И один, который уже сетовал на свою судьбу, вдруг получает несметные (условно) богатства, а другой, только что посмеивавшийся над партнером-неудачником, в мгновение теряет все. Оператор же тем временем ведет живую съемку. Еще раз, главное – несистемность, случайность появления Джокера. В следующем выпуске все может идти как обычно, а может и нет. Прикольно же! Может, и правда предложить им свои услуги сценариста?» Шутки шутками, но жизнь сегодня показала Буратино, что шутить с ним не намерена. Надо было как-то выходить из этого тупика.

Как там пишут в «умных» книжках по психологии? Сначала надо трезво (что ж, Буратино сейчас был до омерзения трезв) оценить текущую ситуацию. Мысленно делим чистый лист бумаги пополам, слева пишем все минусы положения,

справа – все плюсы. Начинаем с минусов. Нда... «Денег нет. Лечу непонятно куда и зачем. Там никто меня не ждет. Возвращаться нельзя. Как, где, с кем жить – непонятно. На что есть, пить – тоже. Чем заниматься – тем более...» Минусов оказалось столько, что на воображаемом листе бумаги в левом столбце не хватило места... Теперь плюсы. Пауза... По сути, плюс был только один, да и то сомнительный. Если бы все не сложилось так, как сегодня, Буратино сам вряд ли когда-нибудь решился изменить свою жизнь. Судьба от души отвесила ему «волшебный пендель» в направлении неизвестности, а неизвестность всяко лучше, чем полная жопа. Неизвестность – это ведь еще и шанс на что-то. Челлендж. Испытание. Возможность – стать лучше, оставить позади все то, что мешало, душило, обволакивало тинной ложного благополучия и плесенью фальшивого комфорта, что подменяло искренность масками, радость – привычками. Взбодриться.

Буратино представил себя маленьким ребенком, который только начал жить. Вот кому по-настоящему трудно! Ни ходить, ни говорить, ни даже кушать самостоятельно еще не умеет. Да, за ним ухаживают, но какую колоссальную самостоятельную работу проделывает этот крохотный человечек! А теперь же – голова на плечах есть, пусть и дубовая, руки-ноги – тоже, а еще знания, опыт и самое главное – желание! Да, он, Буратино, желает стать другим! Лучше. Светлее. Добрее. Умнее. Так что – летим? Летим! Будем жить?

Будем!!!

Установка системы ПВО была доставлена в заданную точку в джунглях на Острове прошлой ночью в обстановке строжайшей секретности. Даже экипаж установки не знал истинной цели операции. Ее знали только Полковник, руководивший операцией на месте, и еще, может быть, пара шишек в Центре. Кто еще – Полковник даже боялся предполагать.

– Готовы к выполнению задания? – спросил Полковник командира экипажа.

– Так точно, Полковник!

– Экипаж надежен?

– Я за них ручаюсь.

«Хорошие ребята. Исполнительные, неразговорчивые. Даже жаль их немного», – подумал Полковник.

– Приступайте к подготовке установки.

– Слушаюсь!

Такие установки еще недавно стояли на вооружении у Восточных. Ну подумаешь, найдется потом какой-нибудь умник-зануда, скажет, что ракета устаревшая, таких в Восточной армии уже нет. Но ведь – были же! Да и вой в мировых СМИ поднимется такой, что на эти мелочи никто внимания не обратит.

Ну а что делать, если по-другому спровоцировать Восточ-

ных не удается? Косоглазые хитры и осторожны, но все равно они должны убратся из зоны наших интересов! Когда мир узнает о событии и ужаснется ему, Восточной Стране придется еще очень долго оправдываться. Им будет не до создания на Острове своей военной базы. Убийцы! Агрессоры!!! Уж газетчики умеют придумывать заголовки. А наше дело – защищать интересы своей Страны.

Радар установки уже работал, на нем были подсвечены несколько потенциальных целей в зоне поражения. Ответственность за выбор конкретной цели была на Полковнике. «Вот – идеальный вариант! – решил Полковник. – Пассажирский борт, больше двухсот паксов на борту, летит не из Восточной Страны и не к ним, чтобы не подумали, что акция была направлена против них, а то, что принадлежность борта к Стране Дураков – даже лучше. Одним выстрелом, так сказать...». Полковник назвал номер борта наводчику. «Есть захват цели!» – доложил наводчик. «Готовность!» – «Есть готовность!». «Двести с лишним паксов, пассажиров, гражданских... Двести с лишним душ...» – мелькнуло в голове Полковника. «Это война», – отогнал Полковник ненужную мысль. «Пуск!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.